

Гамбринус — эпизод 6 из 10

Не к чести русских воинов надо сказать, что они первые начали скандал, первые же пустили в ход ножи и вытеснили англичан из пивной только после получасового боя, хотя превосходили их численностью в три раза.

Очень часто Сашкино вмешательство останавливало ссору, которая на волоске висела от кровопролития. Он подходил, шутил, улыбался, гримасничал, и тотчас же со всех сторон к нему протягивались бокалы. Сашка, кружечку!.. Сашка, со мной!.. Вера, закон, печенки, гроб...

Может быть, на простые дикие нравы влияла эта кроткая и смешная доброта, весело лучившаяся из его глаз, спрятанных под покатым черепом? Может быть, своеобразное уважение к таланту и что-то вроде благодарности? А может быть, также и то обстоятельство, что большинство завсегдатаев Гамбринуса состояло вечными Сашкиными должниками. В тяжелые минуты декохта, что на морском и портовом жаргоне обозначает полное безденежье, к Сашке свободно и безотказно обращались за мелкими суммами или за небольшим кредитом у буфета.

Конечно, долгов ему не возвращали не по злостному умыслу, а по забывчивости, но эти же должники в минуту разгула возвращали ссуду десятирицею за Сашкины песни.

Буфетчица иногда выговаривала ему:

Удивляюсь, Саша, как это вы не жалеете своих денег?

Он возражал убедительно:

Да мадам же Иванова. Да мне же их с собой в могилу не брать. Нам с Белочкой хватит. Белинька, собачка моя, поди сюда.

Правь Британия (англ.).

Появлялись в Гамбринусе также и свои модные, сезонные песни.

Во время войны англичан с бурами процветал Бурский марш (кажется, к этому именно времени относилась знаменитая драка русских моряков с английскими). По меньшей мере раз двадцать в вечер заставляли Сашку играть эту героическую пьесу и неизменно в конце ее махали фуражками, кричали ура, а на равнодушных косились недружелюбно, что не всегда бывало добрым предзнаменованием в Гамбринусе.

Затем подошли франко-русские торжества. Градоначальник с кислой миной разрешил играть марсельезу. Ее тоже требовали ежедневно, но уже не так часто, как бурский марш, причем ура кричали жиже и шапками совсем не размахивали. Происходило это оттого, что, с одной стороны, не было мотивов для игры сердечных чувств, с другой стороны посетители Гамбринуса

недостаточно понимали политическую важность союза, а с третьей было замечено, что каждый вечер требуют марсельезу и кричат ура все одни и те же лица.

На минутку сделался было модным мотив кекуока, и даже какой-то случайный, заколобродивший купчик, не снимая енотовой шубы, высоких калош и лисьей шапки, протанцевал его однажды между бочками. Однако этот негритянский танец был вскорости позабыт.

Но вот наступила великая японская война. Посетители Гамбринуса зажили ускоренною жизнью. На бочонках появились газеты, по вечерам спорили о войне. Самые мирные, простые люди обратились в политиков и стратегов, но каждый из них в глубине души трепетал если не за себя, то за брата, или, что еще вернее, за близкого товарища: в эти дни ясно сказалась та незаметная и крепкая связь, которая спаивает людей, долго разделявших труд, опасность и ежедневную близость к смерти.

Вначале никто не сомневался в нашей победе. Сашка раздобыл где-то Куропаткин-марш и вечеров двадцать подряд играл его с некоторым успехом. Но как-то в один вечер Куропаткин-марш был навсегда вытеснен песней, которую привезли с собой балаклавские рыбаки, соленые греки, или пиндосы, как их здесь называли:

Ах, зачем нас отдали в солдаты,

Посылают на Дальний Восток?

Неужли же мы в том виноваты,

Что вышли ростом на лишний вершок?

С тех пор в Гамбринусе ничего другого не хотели слушать. Целыми вечерами только и было слышно требование:

Саша, страдательную! Балаклавскую! запасную!

Пели и плакали и пили вдвое больше обыкновенного, как, впрочем, пила тогда поголовно вся Россия. Каждый вечер приходил кто-нибудь прощаться, храбрился, ходил петухом, бросал шапку об землю, грозился один разбить всех япошек и кончал страдательной песней со слезами.

Однажды Сашка явился в пивную раньше, чем всегда. Буфетчица, налив ему первую кружку, сказала, по обыкновению:

Саша, сыграйте, что-нибудь свое...

У него вдруг закружились губы и кружка заходила в руке.

Знаете что, мадам Иванова? сказал он точно в недоумении. Ведь меня же в солдаты забирают. На войну.

Мадам Иванова всплеснула руками.